

Skarga.ua. Останній створено інтернет-асоціацією України для того, щоб сприяти викоріненню в українському інтернеті матеріалів, які порушують законодавство країни та містять небажаний або заборонений контент. Кожен користувач може залишити скаргу на сайті. Ознайомитися з матеріалами спеціалізованого сайту можна за посиланням www.prointernet.in.ua.

Стрімкий розвиток комп'ютерних технологій змушує сучасних школярів опанувати технології роботи в інтернеті, починаючи з молодшої школи. Разом з тим, гостро постає проблема захисту дітей від інтернет-ризиків, які становлять загрозу їхньому морально-психологічному стану. Можна констатувати недостатній рівень поінформованості дітей на тему безпеки в інтернеті. Тому в Україні консолідується зусилля педагогів, батьків, дітей та громадськості з метою створення необхідних умов для безпечної роботи в інтернет-мережі.

Список основних джерел

1. Оржеховська В. М. Про безпеку дітей у всесвітній мережі інтернет / В. М. Оржеховська // Рідна школа. – 2011. – № 6. – С. 43–45.
2. Гущина, Н. І. Реалізація програми «Партнерство в навчанні» в Україні / Н. І. Гущина, О. С. Свириденко // Комп'ютер у школі та сім'ї. – 2012. – № 2. – С. 51–54.

УДК 82-92

*Э. Г. Шестакова
Донецк (Украина)*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФОРМА МЕДИАВОСПИТАНИЯ

В статье обосновывается проблема медиаобразования. Особенности медиаобразования рассматриваются через мемориальные практики.

Memorial practice as a form of media education

The article explains the problem of media education. Its features are viewed through the memorial practice.

Казалось бы, что уже нет особой необходимости акцентировать внимание на вполне очевидном тезисе: медиаобразование – это одно из условий жизнеспособности современного мира. В европоцентричной культуре уже сложилось представление о том, что такое медиаобразование, почему оно должно стать одним из неотъемлемых элементов жизни общества и человека, каковы его основные задачи, цели, функции и перспективные направления развития. Слож-

лись национальные и региональные школы, традиции медиаобразования, которое из периферии переместилось в центр научных и общественных интересов. Медиаобразование, будучи направленным на просвещение, формирование системы знаний о массмедиа, массмедийности у современного человека, создало и укрепляет свою нишу в системе вузовского, школьного образования. Однако при этом вне его поля зрения, фактически осталась такая важная составляющая любого и образовательного, и массмедийного процесса, как воспитание.

Есть несколько работ, посвященных непосредственно проблеме медиавоспитания, что явно недостаточно в условиях господства медиакультуры [1, с. 49; 2]. Одна из традиционных функций массмедиа – воспитательная, сконцентрированная на формировании, поддержании, развитии основных навыков, норм, представлений, ориентиров, идейно-смысловых установок общественно значимого поведения. В этом плане массмедиа близки особенностям процесса, целям, задачам, функциям и традиционного образования, и медиаобразования не только как системы передачи знаний, формирования навыков и способностей самостоятельного обучения, но и как системы, обязательно включающей морально-этический компонент. В связи с этим вполне логично говорить о том, что медиавоспитание как составляющая системы медиаобразования, должно рассматриваться в качестве одного из самостоятельных базисных элементов этой системы. Оно должно восприниматься и пониматься современным человеком не в качестве пропагандистского, манипулятивного элемента массмедиа, а как естественная неотъемлемая часть социальной функции массовой коммуникации, направленной на формирование социального самочувствия общества и личности, как это определял Дм. Овсяннико-Куликовский. В противном случае произойдет нивелирование и постепенное, необратимое разрушение идейных, этических, морально-нравственных основ медиаобразования как системы, создающей целостные представления и практические навыки жизни современного человека в медиакультуре. Медиавоспитание – это основа для мировоззрения, мироощущения человека, постоянно погруженного в разнообразные практики массовой коммуникации, неизбежно находящегося под влиянием медиакультуры.

Для современного мира, глобализированного и постоянно живущего на всевозможных культурных границах и социально-коммуникативных перекрестках, медиавоспитание – это развитие качественно новой, обострённой и усиленной медиавирусом (Д. Рашкофф) чуткости к жизни, которая не может быть сведена к прагматике массмедийности, к событийно-новостному, развлекательному, рекламному потокам, «...не может быть сведена к бытовым впечатлениям. <...> Самая большая ценность в мире – жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении – и

в прошлом, и в настоящем, и в будущем...» [3, с. 14]. Медиаобразование, прежде всего как часть медиаобразования, должно быть направлено на формирование и развитие чуткости к живой жизни, так или иначе соприкасающейся, погруженной, живущей в согласии или борющейся с массмедийностью, но актуализированной массмедиа, массовой коммуникацией, их разнообразными практиками. Медиаобразование должно быть направлено на исследование эмоционально-духовных, морально-этических, нравственных особенностей природы и существования медиакультуры. Невозможно не учитывать и не изучать того, как медиакультура целенаправленно и последовательно влияет на этические, нравственные представления, ориентации, нормы человека и общества. Она заставляет меняться шкалу ценностей, представления о добре, зле, благе, совести, страхе, стыде, любви, ненависти, ответственности, в конце концов, трансформирует самосознание, самоощущение человека. Это сфера интересов воспитания. С позиции медиаобразования возможно понять, как в эпоху почти тотального господства медиакультуры проявляются и существуют безотносительные, конститутивные для общества и человека морально-этические и нравственные ценности, каким образом они реализуются в пространстве медиакультуры, с помощью чего происходит взаимосвязь живой жизни и ее образов, моделей, созданных в массмедийном пространстве.

Актуальность проблемы медиаобразования особенно отчетливо проявляется на фоне возрастающего внимания гуманитаристики к культуре памяти и разнообразным мемориальным практикам, которые обнаруживают тенденцию к сращению с медиакультурой. В качестве примера можно вспомнить работы П. Рикёра, Р. Козеллека, О. Розенштока-Хюсси, Т. Адорно, С. Жижека, Ф. Лаку-Лабарта, Ж.-Л. Нанси, С. Бак-Морс, Я. Ассман, А. Ассман, И. Померанцева, А. Эткинда, В. Подороги, посвященные исследованию культуры памяти, ее взаимосвязи с социальной, политической, национальной культурами, повседневностью, частной жизнью обыкновенного человека. В самом начале нашего века П. Рикёр в беседе, открывающей перевод его книги «Память, история, забвение» (2000), обозначил сущность и задачи коллективной культурной памяти: «...коллективная память – это память о моральной обязанности осуществлять справедливость или допускать ее воплощение. Совершая хорошие или плохие поступки, человек является не просто индивидом, испытывающим давление обстоятельств, но мыслящим субъектом, который, сталкиваясь с препятствием, созидает собственную идентичность. <...> способности человека действовать и осознавать себя свободным субъектом, несущим моральную ответственность за свои поступки» [4].

Культурная память на рубеже XX–XXI вв. оказывается не только предметом для интеллектуальных размышлений, но и задачей, решение которой жиз-

ненно необходимо для современной культуры. Довлеющее событиями XX столетие требует переосмысления основ, принципов культурной памяти и мемориальных практик, через которые она проявляется в жизни общества и человека. А. Ассман в книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» (2014) пишет о том, что современному миру нужно, отталкиваясь от трагического опыта последнего столетия, переосмыслить события, сделавшие возможным мировые войны, тоталитарные режимы, экстремальное насилие, массовые убийства, Холокост, геноциды. Нам необходимо понять «...последующее восприятие данных событий, задаваясь вопросами о том, в каком виде и каким образом происходят индивидуальные воспоминания, как разделяется или замалчивается коллективный опыт, как он получает публичное признание, снова и снова реконструируется в медиальных формах и ритуальных презентациях»; с «...какими аномалиями и особенностями негативной памяти (как ее определяет Р. Козеллек) мы сталкиваемся на национальном и транснациональном уровнях» [5, с. 10].

Культурная память оказывается сосредоточием, своеобразным перекрестком коллективных и личностных норм, представлений, установок, желаний, устремлений. При этом культурная память дается, точнее, проявляется для человека и коллектива не как некая абстракция, а через систему значимых, воспринимаемых ими или отторгаемых, но при этом общественно значимых мемориальных практик. И это та точка, где наиболее часто встречаются и наиболее активно взаимодействуют медиакультура и социальная, частная жизни. Здесь и происходит актуализация внутренне сложной проблемы, включающей несколько составляющих и естественным образом предполагающей выход на медиаобразование. Оно должно помочь увидеть не только те смыслы, модели, принципы социальной и массовой коммуникаций, которые транслируют массмедиа, но и то, каким образом проявляются и закрепляются морально-этические, нравственные нормы, представления, ориентации, желания, страхи, мечты, значимые для социума. Медиаобразование непосредственно взаимосвязано с различными медийными и социальными практиками. Медиаобразование – это своеобразное пространство встречи подлинных человеческих эмоций и вызвавших эти чувства событий, фактов и, главное, их массмедийной «упаковки». Понятно, что эта массмедийная представленность не простая форма, но фактор, который сильно и точно влияет на эмоциональную, морально-нравственную сферу жизнедеятельности общества. Их изучением, практической реализацией и призвано заниматься медиаобразование. Мемориальные практики как раз и относятся к такому сложному по своей природе, функциям, целям, представленности и реализации явлению, которое связывает, заставляет взаимодействовать живую жизнь и медиакультуру.

С одной стороны, мемориальные практики могут проявляться в качестве знаковых, глобальных, организующих коллектив действий (праздников, парадов, митингов, публикаций в массмедиа), приуроченных к определенному времени и определенным событиям. Это хорошо подготовленные мероприятия, воздействующие прежде всего на эмоциональную, морально-этическую и нравственную сферы социальной жизнедеятельности. А. Ассман в качестве таких акций, которые медиализируют культурную память, приводит следующие примеры. Это инсталляция в январе 1997 г. художника Хорста Хоайзиля, посвященная первой годовщине Дня памяти жертв Холокоста и приуроченная ко дню освобождения концентрационного лагеря Аушвиц; телевизионный сериал «Холокост»; рекламные и PR-проекты немецкой компании «Телеком» и попечительского Фонда памятника погибшим европейским евреям, связанные с Бранденбургскими воротами; выступления жертв, свидетелей фашистских преступлений, Холокоста в шоу Уинфри Опри. Но, с другой стороны, такого рода мемориальные практики обостряют традиционную коллизию: в «...медиализованном мире бизнес и память взаимосвязаны изначально», но в то же время нельзя не учитывать, что «...СМИ являются сегодня подлинными медиаторами культурной памяти» [5, с. 151]. А. Ассман делает вывод: «СМИ дают важные импульсы для культурной памяти, но сами по себе не создают ее. Они необходимы, чтобы активизировать культурную память, но для ее формирования нужны другие инстанции» [5, с. 151].

Этот вывод основан на, казалось бы, вполне убедительных доказательствах, учитывающих природу и задачи массмедиа: «Рыночный модус отношения к культурной памяти – бизнес. Через шестьдесят лет после 1945 года выходят книги об окончании войны, к юбилею Моцарта появляются книги о Моцарте, к юбилею Гейне – о Гейне. СМИ подхватывают передачу, и мяч отсылается публике. В демократическом обществе рынок служит не только генератором внимания, но и приводным ремнем, с помощью которого активизируется культурная память, связанная с памятью индивидуумов. Но в отрыве от инстанций культурной памяти рынок может оказать на нее разрушительное воздействие, поскольку обслуживает сиюминутные интересы» [5, с. 152]. Казалось бы, что массмедиа действительно руководствуются горизонтами бизнеса и ориентированы как минимум на поддержание общегосударственных идейных интересов. Мемориальные практики при таком подходе либо должны изначально и сознательно учитывать эту сущность массмедиа, когда вынуждены взаимодействовать с ними, либо найти другие средства, способы, инстанции для реализации культурной памяти, которые бы минимизировали выход на СМИ.

В связи с этим возникают вопросы. Уместно ли вести разговор о медиавоспитании или всё же корректнее ограничиться понятием медиаобразова-

ния и сделать акцент на манипулятивных, экономических интересах массмедиа? Но воспитательная функция массмедиа – одна из основных наряду с информативной. Если невозможно избежать проблемы морально-этических, нравственных ценностей общества и культурной памяти, реализуемых через массмедиа, то на что должен быть направлен разговор о медиавоспитании, как неотъемлемой составляющей части медиаобразования? Другими словами, стоит ли с позиции медиавоспитания говорить исключительно о рыночных и глобально идеологических, манипулятивных функциях СМИ, медиатизирующих мемориальные практики? Или всё же есть нечто такое в процессе медиатизации культурной памяти, что не смогла увидеть и учесть А. Ассман, отталкиваясь от социального, политического, историко-культурного, повседневного, ментального опыта, присущего западноевропейской культуре? И возможно ли и почему в пространстве массмедиа найти то, что выходит за пределы бизнес и политических, идеологических интересов? Где и каким образом искать ответы на эти и подобные, порожденные ими вопросы?

Как представляется, это должна быть медиатизированная мемориальная практика региональных СМИ, непосредственно обращенная к обыкновенному человеку, знающая его, его социальную, повседневную жизнь, историю того «малого» мира, в котором и которым он живёт. Именно в такой перспективе можно наиболее отчетливо увидеть, вскрыть и изучить механизмы того, как происходит через каждодневную работу массмедиа воспитание, трансформация и/или разрушение общественно значимых смыслов, ценностей, поддерживающих, питающих, развивающих морально-этические, нравственные представления, ориентиры общества, определяющие его культурную память. В такой перспективе, которая обращена не столько к обобщенно-нивелированному реципиенту массмедиа, сколько к людям, обладающим более выраженными коллективными характеристиками, становятся понятными цели, задачи, функции медиавоспитания. В такой перспективе становятся более понятными основы, механизмы, принципы медиавоспитания, которое осуществляется через традиционные для массмедиа, массовой коммуникации формы и виды деятельности.

В качестве примера рассмотрим мемориальные практики и публицистику донецких журналистов-фронтовиков конца 1990-х – начала 2000-х гг. Это документальные книги Ю.Е. Корытного «Эти годы грозные: Сталино. Октябрь 1941 года – сентябрь 1943 года. Правда и домыслы» (1995), «Сорок лет спустя» (1998), «Исповеди» (2003), А.М. Соловьёва «Взгляд сквозь годы» (2003), Г. Теплякова «Испытание верности» (1995). И коллективные сборники доку-

ментальных повестей, рассказов, очерков, газетных статей: «Боевая и трудовая слава кировчан¹» (2002), «Они были первыми» (2011).

Как известно, конец 1990-х – начало 2000-х гг. – сложное время, события, поступки, модели социальной коммуникации которого обусловлены и глобальными, и локальными геополитическими, мировоззренческими, экономическими сломами, вызвавшими кардинальные трансформации повседневности. На обнажившихся культурных изломах для обыкновенного человека с особой силой проявилась потребность в прикосновении к культурной памяти как некоей охраняющей и сплачивающей во внезапно хаотизировавшемся мире основе, как общей моральной обязанности, возможности ценностного переосмысления происходящего и себя. В моменты социальных катаклизмов приходит предельное осознание того, что А. Ассман, вслед за М. Хальбваксом, определила так: «Память как конгломерат наших воспоминаний вырастает в человека извне, подобно языку, который, бесспорно, является для нее важнейшей основой. Коммуникативная память ... возникает в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний» [5, с. 14]. Особенно отчетливо это ощущается в «малых» социальных мирах, где люди давно знают друг друга, где максимально значима коллективная поколенческая память, являющаяся не абстракцией, а существующая как наглядная, социально и телесно ощутимая, данная через конкретных людей, их жизненные истории смена культурных эпох. Мемориальные практики и публицистика донецких журналистов-фронтовиков подтверждают тезис европейских интеллектуалов о вращении культурной памяти в жизнь человека, обнаруживая при этом важную роль медиавоспитания, которая через эти процесс и состояние реализуется. Массмедиа играют одну из определяющих ролей. И если для западноевропейской культуры медиатизация мемориальных практик вызывает больше проблем, обнаруживает коллизии взаимоотношений простых людей, общества и рынка массмедиа, то для донецких журналистов медиатизация мемориальных практик – это возможность максимально реализовать воспитательную функцию массмедиа.

Необходимо акцентировать внимание на том, что в отличие от западноевропейской традиции в Донецкой области массмедиа давали материалы о Великой Отечественной (Второй мировой) войне не только к праздничным, знаменательным датам, как День Победы, День освобождения Донбасса от фашистско-немецких оккупантов или же в связи с какими-либо политическими скандалами. Разнообразные медиатизированные мемориальные практики постоянно сопровождали жизнь Донбасса, стали неотъемлемой частью его повседневности.

¹ Кировчане – жители Кировского района г. Донецка (Украина).

сти. Это характерно не только для региона в целом, но для каждого его отдельного района.

Ветераны Кировского района г. Донецка постоянно на протяжении 70 лет создавали и поддерживали посредством непрерывной социально-коммуникативной и повествовательной практики прочную коллективную память. Ветераны войны неизменно и не только в знаменательные даты приходили в школы, ПТУ, техникумы, рассказывая о той войне. Практика выступлений ветеранов на классных часах, в музеях школ, училищ, техникумов, Дворцов культуры всегда была частью обыкновенной жизни города, невзирая на господствовавшие идейно-государственные установки. Эти рассказы участников военных событий, а также их активная деятельность по восстановлению имен неизвестных солдат, поиски без вести пропавших во время войны, постоянно и целенаправленно воплощались в массмедийные материалы. Г. Тепляков так описывает деятельность донецкого журналиста-фронтовика А.М. Соловьева, которую А. Ассман вполне могла бы отнести к мемориальной практике: «Живет в Кировском районе Донецка подполковник в отставке Соловьев. <...> Выйдя несколько лет назад на пенсию, Александр Михайлович не сидит дома без дела. Этот человек и сегодня в пути. Заслуженного ветерана хорошо знают в школах, техникумах и заводах как искусного лектора – пропагандиста боевых подвигов его боевых побратимов, принимавших активное участие в разгроме фашизма» [6, с. 157]. Такая деятельность А.М. Соловьева находит отображение не только в устной коммуникации, но и в его газетно-журнальных статьях, книгах документальных очерков, многие из которых посвящены не только Героям Советского Союза, но и простым солдатам. Уже сам А.М. Соловьев описывает в очерке «Жизнь фронтовой семьи» историю военного разведчика, «активного участника Великой Отечественной войны, войны с Японией» [7, кн. 1, с. 61] А.С. Абакумова, который с женой живет в «Кировском районе г. Донецка. Оба работали более тридцати лет в средней школе № 77, он – историком, Нина Федоровна – в начальных классах. В школе не было безразличных, когда рассказывал о войне Александр Сергеевич. Возможно, не случайно, многие выпускники выбрали профессию военного, среди которых есть даже один генерал. Более 5 лет Александр Сергеевич был заместителем председателя совета ветеранов войны Кировского района» [7, кн. 1, с. 63].

Таким образом происходит формирование того, что называется взаимосвязью поколений и механизмами создания и работы социальной памяти: «Каждый человек формируется под воздействием ключевых исторических событий своего времени независимо от того, разделяет он или нет с другими представителями своей возрастной когорты те или иные убеждения, установки, мировоззренческие взгляды, социальные ценности и культурные парадигмы.

Это означает, что индивидуальная память определяется не только собственным временным диапазоном, но и более широким горизонтом поколенческой памяти, от которого зависят формы проработки индивидуального опыта» [5, с. 15]. Медиатизированные мемориальные практики, реализованные на протяжении длительного периода времени донецкими журналистами-фронтовиками, позволили сформироваться прочной культурной памяти, основанной на уважении к прошлому, на выработывании общественно значимых морально-этических, нравственных коллективных ориентиров.

Однако у донецких журналистов, публицистов не произошло того, что называется окостенение, превращение в клише темы войны и фашизма и того, что западноевропейские интеллектуалы определяют в качестве табуированных тем и проблем. Для донецких журналистов-фронтовиков при обращении к проблемам исторических, политических событий действительно важны неоднозначные темы, которые не могут не быть факторами развития памяти общества. Близость к своим читателям, их миру, который одновременно является и жизненным миром самих журналистов, качественно по-иному заставляет их писать о явлениях, относимых, по определению Р. Козеллека, к «негативной культурной памяти». Для донецких журналистов-фронтовиков, переживших триумф Победы, к такой «негативной памяти», осложненной рядом неоднозначных морально-нравственных проблем, относятся вопросы национализма. С одной стороны, есть четкое и однозначное убеждение: Украина – это единая и наша страна, Родина, которая не может и не должна быть разделена на части. Но с другой стороны, возникают вопросы, которые невозможно не озвучить, на которые нельзя не постараться найти ответы.

В 1995 г. Ю.Е. Корытный писал о том, что имеет «...чрезвычайную важность в оценке некоторых сторон сегодняшней нашей жизни. Речь идет о памяти, о том, как сегодня, в канун славного пятидесятилетия Победы над нацизмом, хранится в умах и сердцах людей то, что было пережито народами Украины, всеми народами СССР» [8, с. 38]. При этом журналист делает вывод, который важен и для европейских интеллектуалов, размышлявших о тоталитаризме, фашизме, массовых истреблениях людей в XX веке: «Осмелюсь без всех обиняков заявить, что память эта на грани полного истощения и забвения» [8, с. 38]. Причины такого положения дел, по убеждению Ю.Е. Корытного, и в материальной, и в моральной стороне вопроса: «...истощение памяти началось еще задолго до пресловутой перестройки» [8, с. 39], когда материальные условия жизни, обеспечения лекарствами, должным лечением ветеранов заботили партию и государство только на словах, постоянно подчеркивает журналист. Но не менее страшны и моральные аспекты истощения памяти, когда призывают к примирению с бойцами «так называемой УПА, Украинской повстанческой ар-

мии»: «независимая Украина должна чтить героев, боровшихся за это с тоталитаризмом» [8, с. 39, 40].

Ю. Е. Кoryтный четко сформулировал проблему, относящуюся к «негативной памяти». Сделал он это в один из кризисных моментов жизни Украины, когда проблема ее целостности и государственности только начинала формироваться в качестве социальной памяти. Казалось бы, эту проблему можно было обойти в книге, посвященной жизни г. Сталино (г. Донецк) в фашистской оккупации. Но возрождение, формирование коллективной памяти как коллективной ответственности, как морально-нравственного выбора общества не может базироваться только на триумфах, оно должно говорить и о поражениях, негативном опыте. Чтобы осознать свою национально-государственную целостность, причастность к ней каждого гражданина, необходимо уметь создавать и общую память. По мысли Э. Ренана, высказанной в XIX в., для коллективной памяти для нации особенно важно «разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, <...> вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия» [5, с. 25]. Донецкие журналисты-фронтовики это хорошо понимали, стремясь воспитывать в своих читателях честность по отношению к памяти. Именно поэтому проблема УПА, их деятельность в годы Второй мировой войны и основы, принципы современной украинской государственности напрямую связываются Е.Ю. Кoryтным.

Для журналистов-фронтовиков Донбасс – это Украина. Не менее и не более, чем другие регионы Украины, чему посвящены их многие материалы. Это доказывает уже то, что в оккупации действовали подпольные многонациональные отряды, которые носили названия «Кармелюк» и «Галайда». Они сформировались без влияния партии, военного руководства, за что многие их участники и пострадали уже в мирное время от репрессий власти. Это были добровольные отряды, созданные из местных жителей, а также бежавших из плена солдат, офицеров. Более того, в годы оккупации в селе Покровское Артемовского района действовала подпольная пионерская организация «Карівська спілка піонерів». Дети «писали и распространяли листовки. Многие из них на украинском языке. Делали это специально, чтобы досадить немцам, которые везде кричали, что украинцы на их стороне» [8, с. 45]. Ю.Е. Кoryтный, поднимая архивные материалы, газеты времен оккупации, которые специально немцами издавались на украинском языке, показывает, как массмедиа, немецкая пропаганда вели идеологическую обработку местного населения. Они стремились доказать, что лишь Германия смогла вернуть Украине ее достоинство и освободить от ига

коммунизма. Однако поступки простых людей, создававших партизанские отряды с украинскими названиями, писавших листовки на украинском языке, позволили ощутить и сохранить единство своего народа и страны, осознание себя украинцами. Такие поступки формировали и укрепляли культурную национальную память, которая позволила и победить, и честно признать, что события «негативной памяти» лучше не замалчивать. Их нужно анализировать, стараться понять и сказать предельно откровенно: «...действительно, отдельные группы оуновцев вели решительную борьбу с немцами. Мне уже приходилось раньше писать об этом, я как-то сказал во всеуслышание, что если сегодня живы те борцы, которые не обгарили свои руки кровью односельчан и сограждан, я готов с ними и горбушку хлеба разделить пополам и чарку водки выпить» [8, с. 45–46]. Уже в другой своей книге «Сорок лет спустя» Ю.Е. Короткий в «Прологе» пишет: «Немало евреев во время оккупации Львова нашли приют и поддержку в резиденции митрополита Андрея Шептицкого и среди них львовский раввин Давид Кагане. В 1966 году израильская пресса высоко оценила такие действия митрополита Андрея Шептицкого. В частности, было отмечено, что чисто человеческие качества его эксцелленции оказались выше политической ориентации митрополита, что само по себе уже весьма симптоматично» [9, с. 7]. Так формируется мировоззрение гражданина, так воспитываются нравственные ценности, которые невозможно воспринимать в виде абстракции. Они осуществляются через разные, в том числе и мемориальные практики, которыми наполнена жизнь человека и общества. Медиавоспитание в этом играет одну из определяющих ролей. Донецкие журналисты-фронтовики смогли эти идеи «высокой» интеллектуальной культуры доказать практикой жизни.

К общеевропейским фактам «негативной памяти» относится и еврейский вопрос, который долгие годы замалчивался в СССР. Ю.Е. Короткий в книге «Сорок лет спустя» пишет об этом с не меньшей нравственной и гражданской честностью, нежели о проблемах сугубо украинской государственности: «Первые страницы этой книги были опубликованы почти 40 лет назад, когда автору удалось с помощью коллег из Беларуси отыскать еврейского ребенка, по трагической случайности в возрасте двух лет оставшегося на оккупированной территории и спасенного там одной крестьянской семьей. <...> Но в те годы, годы господства в стране единственно «верной» идеологии строителей коммунизма, когда все другие мысли и идеи считались крамолой, искореняющейся в самом зародыше, когда писать о судьбах национальных меньшинств можно было лишь в духе «дружбы народов», рожденной социализмом, когда антисемитизм был политикой государства и его ведущей силой – КПСС, а писать и рассказывать правду о судьбах евреев, крымских татар, ингушей, чеченцев, людей других гонимых национальностей было фактически невозможно, так как те, кто

решался на такое, вскоре оказывались в местах весьма отдаленных, то оставалось единственное: копить материал, собирать его и класть в долгие ящики стола, систематизируя тайно, готовя будущее. И оно наступило, это будущее... И лишь те, кто верил в судьбу, в лучшее будущее, готовился к таким временам, имеют сейчас возможность рассказать правду, ту самую правду, которая копилась у них десятилетия» [9, с. 13–14].

Такие медиатизированные мемориальные практики, направленные на формирование культурно-национальной памяти, необходимо рассматривать с позиции медиавоспитания. При этом, с одной стороны, крайне трудно не согласиться с утверждением А. Ассман, подтверждаемым многолетней практикой донецких журналистов-фронтовиков: «Содержимое культурной памяти – локализованное в виде библиотек, коллекций, скульптур или архитектурных сооружений и темпорализованное в виде празднеств, обычаев и ритуалов – нуждается по ходу истории в постоянном истолковании, обсуждении и обновлении, поскольку это содержимое усваивается следующими поколениями и должно соответствовать актуальным потребностям, вызовам современности» [5, с. 35]. Но, с другой стороны, перенасыщенность мемориальными практиками, которые поддерживаются и усиливаются различными видами и формами медиатизации, вполне может обернуть культурную память на песню сирен [10]. Для того чтобы ощутить, увидеть и понять природу, функции, механизмы, тенденции и ловушки существования памяти в эпоху господства медиакультуры, необходим исследовательский интерес к проблемам медиавоспитания.

Список основных источников

1. Максимова, Г. В. Модернизация воспитания в высшей школе на основе интеграции педагогики и искусства в медиасреде [Электронный ресурс] : автореф. дис. д-ра пед. наук / Г. В. Максимова. – Ростов-н/Д, 2007. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/maksimova_avtoref.pdf. – Дата доступа: 17.04.2016.
2. Бегалинов, А. С. Социально-философский анализ медиавоспитания [Электронный ресурс] : дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 2014. – Режим доступа: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/2311/13363/1/Dissertaciya_Begalinova_A.pdf. – Дата доступа: 17.04.2016.
3. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – Симферополь : Таврия, 1990. – 176 с.
4. Рикёр, П. Память, история, забвение [Электронный ресурс] / П. Рикёр ; пер. с франц. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000833/st000.shtml>. – Дата доступа: 17.04.2016.
5. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

6. Тепляков, Г. В. Испытание верности. Документальные повести и рассказы / Г. В. Тепляков. – Донецк : МП «Отечество», 1995. – 320 с.
7. Боевая и трудовая слава кировчан: Историко-документальные очерки : в 2-х кн. – Донецк, 2002.
8. Коротный, Ю. Е. Эти годы грозные: Сталино. Октябрь 1941 года – сентябрь 1943 года. Правда и домыслы / Ю. Е. Коротный. – Донецк: РИП «Лебедь», 1995. – 65 с.
9. Коротный, Ю. Е. Сорок лет спустя: Художественно-документальные повести / Ю. Е. Коротный. – Донецк : Юго-Восток, 1998. – 184 с.
10. Меньок, В. Культурная память как песня сирен [Электронный ресурс] / В. Меньок, Э. Шестакова // Литературный альманах «Белый ворон». – Режим доступа: http://www.promegalit.ru/public/15045_vera_menok_eleonora_shestakova_kulturnaja_ramjat_kak_pesnja_siren__intervju_iz_ukrainy_drogobych_i_donetsk.html. – Дата доступа: 17.04.2016.

УДК 378.147

Н. О. Якименко

*Полтавский национальный технический университет
им. Ю. Кондратюка (Украина)*

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДОКУМЕНТОВЕДА

В статье проанализирована возможность формирования профессиональных компетенций будущих специалистов по документоведению и информационной деятельности в процессе их подготовки с использованием ресурса дистанционного образования. Автор характеризует интегральные, общие и специальные (профессиональные) компетенции, которые формируются при обучении с использованием дистанционных курсов.

Distance learning as an innovative form of education in the formation of professional competencies in document processing

The article analyzes the possibility of professional competence formation of future specialists for Documentation and information activities in the course of their training using distance education resources. The author characterizes the integral, general and specialized (professional) competences, which are formed during training using distance learning courses.